

Виктор Ополев

**ПАРАДИГМА ОПТИМАЛЬНОСТИ:
АНТИЧНЫЕ ИСТОКИ**

Понятие об оптимальности едва ли можно отнести к философским категориям, тем более к тем из них, развитие которых основано на строгой преемственности и может быть прослежено на протяжении всей истории философской мысли. В то же время если взять античный период, то здесь едва ли можно найти философское учение, которое в той или иной мере не заинтриговало бы и не решало проблемы оптимальности. Что есть наилучшее вообще и применительно к различным областям действительности, каково его содержание, функции, основания – вот те вопросы, решение которых занимало одно из центральных мест в проблематике философии античного периода. И не только философии, но и науки, искусства, обыденного сознания.

В следующие периоды проблема оптимальности только время от времени попадала в центр научного внимания, хотя в какой-то мере на периферии она всегда решалась. Достаточно сказать, что решение любой проблемы всегда в той или иной степени базируется на каком-то представлении о наилучшем. Однако само это представление становится предметом рассмотрения только в тех случаях, когда оно оказывается проблематичным.

Задача настоящей статьи – показать наиболее существенные из тех интеллектуальных предпосылок, возникших еще во времена Древней Греции и отчасти – Рима, благодаря которым стал возможным своеобразный оптимизационный образ мышления, характерный для современной европейской цивилизации.

При этом в основу отбора материала положены следующие соображения. Так как объём работы невелик, главное внимание уделяется рассмотрению проблем, причём, более их постановке, чем решению. Цель, которая преследуется при этом, – вычленив то позитивное, что в данном случае непосредственно касается проблемы оптимальности, сделать наглядными те сдвиги, которые произошли в плане развития общего представления о нём. В работе опускаются вопросы, связанные с историей экстремальных принципов в естествознании, ввиду того, что по этому поводу написано достаточно много.

Независимо от того, где возникает проблема разумного выбора – в области общественной практики, морали, науки, экономики, художественного творчества и т. д., – решение её требует ответа или, лучше сказать, решение её – это вместе с тем ответ на вопрос, что есть лучшее или наилучшее в рамках данного выбора. С тех пор как этот вопрос был каким-то образом поставлен в сфере более или менее

систематического исследования – проблема оптимальности стала по сути научной проблемой. До этого, можно считать, указанная проблема решалась непосредственно в процессе практики, где известные формы поведения закреплялись в результате стихийного отбора. Естественно, что какие-то представления об этих формах существовали и исследовались на донаучном уровне: обыденном сознании, мифологии и т. д.

В качестве одного из «начал», благодаря которому проблема оптимальности стала проблемой творческого сознания, можно указать на учение древнегреческого философа Фалеса. Фалес считал, что «вода есть наилучшее» [8, с. 40]. Именно это определило выбор в качестве первоосновы всего существующего в рамках его натурфилософской концепции воду из четырёх стихий, известных Фалесу и его современникам. Важно также и то, что этот выбор был в известной степени аргументирован. Затем эта аргументация развивалась, опровергалась, «принималась всерьёз» последующими философами и комментаторами. Последнее, несомненно, явилось одной из причин, благодаря которой обсуждение вопроса – что есть наилучшее – приобрело в определенной мере самостоятельное значение и выросло в особую теоретическую проблему. Или во всяком случае, можно сказать, что обсуждение не оставалось в пределах исходной проблемы – выбора первоосновы всего существующего, прежде всего материального мира, а стала пониматься шире, связывалось с другими областями, приобретая, благодаря этому, более общие формы. Таким образом, историческое значение учения Фалеса можно видеть, помимо прочего, также и в том, что в нём зародилась и получила первый толчок – стимул к развитию – проблема оптимального – проблема поиска наилучшего, каких бы сфер жизни или деятельности это ни касалось.

Вторым источником, в известной степени независимым от первого, внесшим представление об оптимальном в сферу философской рефлексии, по-видимому, следует считать моральную проблематику, разрабатывающуюся уже в античной мифологии. В частности, идею судьбы и отношения к ней. Судьба, согласно античному мировоззрению, есть нечто независимое от воли человека, довлеющее над ним, то есть – рок. Выбор, которым располагает индивид в отношении собственной судьбы, сводится по сути к двум альтернативам – принимать её, какой бы она ни была ужасной, или попытаться избежать её. Многочисленные примеры, которые приводит мифология, и аргументирует ими в пользу одной из альтернатив, сводятся к тому, как некто пытался избежать собственной судьбы, однако это ему не удалось. Поэтому, добродетелен тот, кто добровольно следует своей судьбе. Таковы, например, герои Гомера. Решение при этом принимается путём чисто оптимизационного

рассуждения. Ввиду того, что судьбы не избежать и обе альтернативы ведут к одному событийному результату: совершается то, что предназначено, и в установленный срок – следует идти к этому результату наиболее простым и экономичным путём, побеждая страх и избавляя себя таким образом от неприятных эмоций.

Известной альтернативой концепции судьбы, отдававшей жизнь человека воле богов, выступает складывающееся в античном сознании представление о лучшем или наилучшем, с позиции которого осуществляется оценка человеческих действий и вместе с тем оно также выступает основанием для суждений по поводу самых различных областей, касающихся не только живой, но и неживой природы, а далее с позиции наилучшего интерпретируется смысл человеческих поступков, их направленность, мотивация и т. п. В этот период складывается классическое представление о том, что человек должен стремиться к лучшему, или иначе – человеку свойственно стремиться к лучшему. Другой стороной данного представления оказывается утверждение, что, если человек нечто выбрал, то с его точки зрения это есть наилучшее. Таким образом, формировался принцип, утверждающий жёсткую зависимость предпочтений и выбора – теоретической предпосылки современных теорий принятия решений и оптимизации.

Широко известный спор софистов с Сократом значителен, помимо прочего, и тем, что его результатом была отчётливая постановка проблемы наилучшего в той плоскости, в которой она решается и в наши дни. Представление о том, что человек должен стремиться к лучшему, здесь уже выступает в качестве безусловной предпосылки, характеризующей позиции обеих сторон. Предметом спора было – что понимать под наилучшим, в чём основание и критерии последнего. Софисты, как известно, считали, что единственным основанием в этом случае может быть чувственная достоверность, восприятие отдельного человека, поэтому, сколько есть людей, столько и мнений о наилучшем, представлений о благе и т. п. И все они правомерны в равной степени. Сократ же выступал с требованием найти прочное, субстанциональное и общезначимое основание для подобных суждений. Следует, однако, отметить, что предпосылки, из которых исходил Сократ, не позволили решить эту проблему даже в плане полного размежевания с софистами. «Рефлексия, – пишет Гегель в этой связи, – и сведение долженствующего быть принятым нами решения к сознанию общи Сократу с софистами» [4, с. 36]. Сократ, а затем в какой-то мере и Платон, Аристотель и др., искали необходимое основание в сознании субъекта. Знаменитый метод Сократа состоял в том, что он, обращаясь к наличному сознанию, вскрывал присущие ему противоречия, углублялся в него, устанавливал для него всеобщее, которое затем служило базой, принципом

систематизации знания, приведения его к единству. Истинно, по Сократу, то, что непротиворечиво, прочно, единственно и в этом смысле объективно, независимо от отдельного субъекта.

Далее, считал он, если нечто разумно, управляется умом, то оно должно быть наилучшим. Это наилучшее в предельно общем виде он называл благом. Стремление к благу, согласно Сократу, имеет принудительный характер, и реализуется оно через приобретение подлинных знаний. «У богов и у людей, имеющих ум, – говорит Сократ в диалоге Платона «Алкивиад II», – должны особенно почитаться справедливость и разумение: разумные же и справедливые – это именно те, кто знает, что должно делать и говорить, обращаясь как к богам, так и к людям» [7, с. 139]. Слово «справедливость» в устах Сократа – это по сути символ правильности, а «разумность» – осознанности и обоснованности.

Заслуга Сократа состоит в том, что он поставил саму проблему обоснования представлений о наилучшем и указал общий характер, который должно носить решение. Последующее развитие данной проблематики происходило главным образом в плане установки, сформулированной Сократом. Это касается в частности немецкой классической философии, где проблема всеобщего обоснования должного занимала одно из центральных мест.

Наилучшее, по Платону, есть то, что существует согласно уму и благодаря ему. Решая проблему наилучшего в объективно-идеалистическом духе, Платон считал, что наилучшее является достаточным основанием для доказательства необходимости существующего. Посредством этого утверждения Платон осуществляет переход от области практического, где наилучшее выступает в качестве всеобщего основания, к наилучшему как принципу натурфилософии и вообще – строения всего универсума. Таким образом, наилучшее и, следовательно, оптимальное как принципы рассмотрения получают предельно широкую трактовку, распространяясь на все существующее.

Вместе с тем Платон преодолевает кардинальный недостаток сократовского подхода к решению проблемы знания. Сократ решает эту проблему преимущественно методологически, за счет индивидуальных действий, пусть и совместных – диалог, спор, диалектика. Платон решает ту же проблему, но онтологически, и попутно делает величайшее открытие – сферу духовного, особую субстанцию, открывает дверь в огромный и разнообразный мир бестелесного. Правда, онтологический ход мысли, апеллирующий к устройству мира в целом, указывает лишь на возможность достижения общезначимых и независимых от субъективных мнений истин, но, как правило, не говорит ничего о том, как их можно установить (найти) в тех или иных конкретных

обстоятельствах. Для этого было необходимо сделать, по крайней мере, еще несколько шагов.

В дальнейшем указанное выше понимание наилучшего было в той или иной форме воспринято большинством античных философских учений. В плане поиска основы для суждений о должном и наилучшем представление о природной целесообразности, или иначе говоря – разумности, стала занимать значительное место. Так, в философии киников природная целесообразность выступала в качестве образца, с позиций которого критиковалась «неразумная целесообразность» человеческих поступков [5, с. 109]. Следует отметить и ту значительную роль, которую абстракция природной целесообразности сыграла в формировании представлений о разумности вообще на протяжении всей истории исследования этого вопроса. Впоследствии место природной целесообразности в указанном плане заняло представление о божественной разумности. Последнее формировалось какое-то время параллельно представлению о природной целесообразности, а затем поглотило ее.

Отметим здесь же, что в рамках античной философии сложился взгляд на разумность как представление, с позиций которого должна осуществляться оценка человеческих действий. Приведем характерные в этом смысле взгляды стоиков. Так, Диоген Лаэртский пишет: «Стоики называют долгом то, что, когда оно довершено, может быть оправдано разумным основанием» [2, с. 500]. Понятие разумности, чтобы оно могло выполнять эту функцию, должно, следовательно, представлять собой систему требований и норм, предъявляемых к решениям или действиям. Такая трактовка этого понятия вполне современна, и решение проблемы обоснования принципов оптимальности в рамках современных оптимизационных исследований вполне продолжает эту традицию.

В философии Аристотеля наряду с решением проблем, указанных выше, содержится момент, существенным образом выходящий за рамки круга вопросов, которые были в явном виде поставлены предшествующей философией. Третья книга сочинения Аристотеля «Топика» посвящена топам, служащим для выяснения вопроса о том, какие предметы более желательны или лучше. Иначе говоря, Аристотель здесь совершенно определенно ставит проблему субъективного (в отличие от объективного отбора, «снятия неопределенностей») выбора.

Эта проблема в общих чертах характеризуется Аристотелем следующим образом. Вопрос о выборе возникает тогда, когда речь идет не о вещах сильно различающихся между собой, а рассмотрению подлежат «вещи, близкие друг к другу и относительно которых мы сомневаемся, какой из них отдать предпочтение» [1, с. 394]. При этом общая постановка проблемы формулируется так: «Относительно такого

рода вещей ясно, что после того, как укажут или одно, или много преимуществ одной перед другой, мысль согласится, что та из них предпочтительнее, которая имеет какое-то преимущество» [1, с. 394].

В дальнейшем речь у него идет уже о тех представлениях, которые могут быть положены в основу выбора. Из обширной совокупности соображений, выдвинутых Аристотелем, приведем наиболее существенные:

1. Предпочтительнее то, что обладает более длительным или более прочным существованием, а также то, что полезно во всякое время или в течение более длительного времени.
2. Предпочтительность может строиться на основании обращения к авторитету: то, что предпочитают люди «дельные» или «сведущие в каждой отдельной области».
3. Возможное предпочтительнее невозможного.
4. Существенное предпочтительнее несущественного. Следует предпочитать то, что принадлежит роду, тому, что не принадлежит ему.
5. Предпочтительнее то, что более чтимо, более прекрасно, более достойно похвалы.
6. «Если две какие-нибудь вещи предпочтительнее чего-то третьего, то та, которая в большей мере предпочтительнее третьей, предпочтительнее той, которая в меньшей мере предпочтительнее этого третьего» [1, с. 401]. В этом случае Аристотелем по сути формулируется закон транзитивности предпочтений, хорошо известный в теории оценок.
7. То, что полезно многим целям, предпочтительнее того, что полезно одной из них.

Таковы основные нормы, касающиеся разумного, т. е. обоснованного и целесообразного выбора, выдвинутые Аристотелем в его «Топике».

Следует также в этой связи упомянуть принцип целесообразного выбора, который формулируется Аристотелем в его моральной философии и известный в истории как «принцип золотой середины». Согласно последнему, принимая решение, следует придерживаться среднего варианта между крайностями. Добродетель, а под ней понимается доведенное до совершенства положительное качество человека, всегда, согласно Аристотелю, «находит и избирает середину» [2, с. 462]. Этот принцип можно критиковать, и недостатки его широко известны. Однако для нас здесь важнее сам подход к постановке и решению проблемы, заключающийся в формулировке правил и принципов осуществления оптимального выбора.

В дальнейшем, уже в средние века, этот подход был распространен и на методологию познания. Вильям Оккам, можно считать, положил начало такого рода оптимизационным исследованиям, формулируя свой знаменитый принцип «бережливости», или «экономии», получивший

название «бритвы Оккама»: «бесполезно делать посредством многого то, что можно сделать посредством меньшего».

То, что было достигнуто Платоном, в новое время было несомненно продолжено Лейбницем и в определенном смысле завершено им. Нечто возможно, согласно Лейбницу, если оно мыслимо. Мыслимость – достаточное условие того, чтобы быть возможным. Возможное есть, таким образом, нечто идеальное, и оно, по Лейбницу, предшествует действительному, так же, как идея предшествует ее реализации. Однако идеальность возможного – это не идеи, присущие отдельным людям или коллективам, а идеи, существующие в божественном разуме. Реализуются же только те из них, которые отвечают благой божественной воле, иначе говоря – наилучшие из возможных. В этом плане взгляды Лейбница максимально сближаются с представлениями Платона. «Возможное, – пишет он, – существует от вечности в идеях божественного разума» [6, с. 332]. Таким образом, истина, добро и красота снова сливаются в нерасторжимое целое в трансцендентальном измерении.

1. Аристотель. Топика // Аристотель. Сочинения в 4-х т.– Т. 2.– М., 1978.
2. Антология мировой философии в 4-х т.– Т. 1., Ч. 1.– М., 1969.
3. Гегель Г. В. Ф. Лекции по истории философии. Книга первая // Гегель Г. В. Ф. Сочинения в 14 т.– Т. 9.– М., 1930.
4. Гегель Г. В.Ф. Лекции по истории философии. Кн. вторая // Гегель Г. В. Ф. Сочинения в 14 т.– Т. 10.– М., 1932.
5. Гомперц Т. Греческие мыслители.– СПб, 1913.
6. Лейбниц Г. В. Избранные философские сочинения.– М., 1890. Платон. Алкивиад II // Платон. Собрание сочинений в 4-х т.– М., 1990.
7. Рассел Б. История западной философии.– Новосибирск, 1999.